

Юрий ШВАРЦКОПФ: *Известия — 1999 —* *28 авг. — с. 7* Когда есть Гергиев, все можно решить

Его хорошо знают в театральном Петербурге. За плечами Юрия Шварцкопфа — директорское кресло Театра музыкальной драмы актера и Театра имени Комиссаржевской. Четыре года назад Валерий Гергиев пригласил его в Мариинский театр — после того как для Большого и Мариинки государством была придумана новая структура управления: художественный руководитель-директор — исполнительный директор. В преддверии нового сезона г-н Шварцкопф поделился с «Известиями» проблемами, которые стоят перед исполнительной властью, взявшей на себя руководство исполнительским искусством.

— Юрий Алексеевич, в этом году вы участвовали в съезде Союза театральных деятелей, на котором обсуждался вопрос о необходимости принятия закона о театре.

— Закон о театре — вещь необходимая. Должны быть закреплены права и обязанности театра перед государством, и наоборот. Иначе, что получается? Бюджет театру дает учредитель — в нашем случае государство. У нас бюджет даже на бумаге в сотню раз меньше, чем бюджет «Метрополитен» или «Ла Скала». До печально известного августа наш бюджет был 10 миллионов долларов, сейчас соответственно в четыре раза меньше. Реально театру выделяется в лучшем случае половина на мизерные зарплате. Но с другой стороны, государственные органы, связанные с театром, — пожарная охрана, служба безопасности, коммунальные службы — давят на театр, заставляя нас делать то, на что само же государство денег не выделило. Нонсенс в чистом виде. А сколько мы при этом умудряемся выпускать премьеры?

— У театра сегодня ярко выражена прозападная политика. Это вынужденная необходимость или убеждение?

— Я думаю, и то и другое. Любая театр мирового масштаба не может жить вне мирового процесса. У нас есть Гергиев, который безумно любим на Западе, у которого огромные связи, потому что он работает в ведущих театрах мира. Иногда он прямо ставит условие — я у вас продиржирую, если потом мы сделаем что-то вместе. Это позволяет театру делать новые постановки

во многом за счет Запада и дает возможность ведущим солистам зарабатывать себе на жизнь, не порывая с этим театром. Уникальная возможность выжить.

— Не планирует ли Мариинка ввести контрактную систему, подобную той, что уже работает в Большом театре?

— Думаю, что наш театр придет к этому. У нас задержка произошла по той причине, что между контрактным правом и КЗоТом много разногласий. Вот пока эти ножицы не ликвидируют, мы будем переходить на такую систему, заранее предвидя, что придется тратить огромное количество времени на судебные дела. В нынешней ситуации все театры страны не могут решать главный для себя вопрос — нормального обновления творческого состава. Грубо говоря, человеку 60 лет, он уже не может не только танцевать, он и ходить по сцене уже не может. Но если он сам не пожелает уйти на пенсию, никаких официальных рычагов избавиться от него нет. В таком огромном организме, как Мариинский театр (у нас две тысячи человек работает), все настолько иногда запутано. В труппе есть люди, которые за сезон выходят на сцену один-два раза, есть такие, которые вообще на сцену не выходят.

— Выход один — менять законы?

— Безусловно. В этом в первую очередь должны быть заинтересованы Министерство культуры и Союз театральных деятелей. Хотя СТД, конечно, будет на стороне актерской братии. Но ни у кого руки не доходят: все подальше в политику.

— Существуют ли еще в театре профсоюзы?

— В принципе существуют, но практически потеряли и влияние, и смысл. Их задача — следить за зарплатой и соблюдением режима, так? Сегодня платим столько, сколько дает государство. А по режиму? Это щекотливый момент. У нас до такого, как в Америке, не доходит и не дойдет.

— В Мариинском театре два вида цен на билеты — для своих и для иностранцев. Я своими глазами видела, как ничего не подозревающих туристов, которым кто-то продал обычный билет, просто развернули на входе. Вы считаете это этичным?

— Понятно, что такой системы нигде нет. Но нет и такого разброса цен и курса валют. У нас на вечерний спектакль самый дорогой билет стоит 3,5 доллара, а в «Метрополитен» сколько? 100. Это не от хорошей жизни. Я знаю, что есть вещи, которые Мариинский театр делает безобразно, но есть моменты, которые проходят совершенно нормально и воспринимаются иностранцами с пониманием.

— Чего в следующем сезоне предстоит добиваться театру, каковы планы?

— Планов громадье. Обо всех говорить, конечно, не буду. Ближайшие — это балет «Драгоценности» Балanchина (конец октября), опера «Дон Жуан» (конец ноября), планируется «Война и мир» в постановке Кончаловского, новый «Щелкунчик». Дальше посмотрим. Есть в планах балет «Манон» и первая часть «Кольца нибелунгов».

— У вас никогда не было мысли написать нечто вроде знаменитого дневника директора Императорских театров Теляковского?

— Нет. Боже упаси. В театре есть вещи, которые для зрителя не должны быть доступны, как бы они ни были интересны. Иначе во многих случаях миф театра, его аура разрушаются. Она у меня у самого во многом разрушилась от того, что я стал работать в театре.

Римма АВСАЛУМОВА